

Геннадий Малашин

(Не)забытые голоса Сибири

ЭССЕ ТРЕТЬЕ

«В беззвездьи ледяном...»

(Поэты революции и Гражданской войны: Георгий Маслов)

... Авторы проекта «(Не)забытые голоса Сибири» с трепетом и надеждой приступали к этому непростому фильму.

Избранный период — сложнейший в нашей истории, интереснейший, но и не познанный до конца. Будущий фильм виделся трудным не только потому, что велик соблазн встать на сторону одного из противоборствовавших лагерей той, до сих пор в России памятной, хоть и столетней уже давности, братоубийственной войны. (Даже если сумеешь «остаться над схваткой» — не уйти до конца внутри себя самого, внутри своих раздумий и оценок от тех «трудных вопросов», на которые и опытейшие-то историки не могут порой ответить.)

Поэтому социально-политические коллизии Гражданской авторы фильма решили без крайней необходимости не затрагивать, а говорить преимущественно о поэзии и о судьбах поэтов. Но оказалось вдруг, что какого-то внятного «канона», вместившего в себя «самые-самые» стихи времён Гражданской войны на Енисее, или хотя бы списка, вместившего в себя основные поэтические имена наших земляков этого периода, на сегодня просто не существует. Почему?

Голоса Гражданской войны — это не только стихи и проза коренных сибиряков, уже к тому времени состоявшихся или же активно начинавших писать именно в ту грозную эпоху. Голоса Гражданской — это и строки, страницы, а то и целые книги людей, чья судьба неожиданно забросила на территорию охваченной войной Сибири. Далеко не все поэты Енисейской губернии были в «красном» лагере, а главное — не все успели в 1919-м примкнуть к партизанским отрядам или к наступавшей Красной армии. И оттого долгие годы, долгие десятилетия из всех «голосов Гражданской войны» до нас доносились только избранные, только выхваченные идеологией и победителями слова, фразы и мелодии... И «комиссары в пыльных шлемах» над читателями поэтических сборников, альманахов, хрестоматий так и «склонялись

молча» вплоть до начала перестройки. (А потом наступило время упоения отечественного читателя стихами представителей другого, «альтернативного», как модно было тогда говорить, лагеря. Но это были стихи буквально «с другого берега», это были убедительные и потрясающие, но, как правило, созданные вдали и от Енисея, и от Сибири, и от России поэтические строки.)

Существовал, конечно, со времён первопродходческих публикаций Василия Трушкина, Марка Сергеева, Николая Яновского и их коллег некий совсем небольшой перечень сибирских (ставших потом советскими) поэтов этого периода, в итоге в постсталинские времена окончательно допущенный для опубликования (как правило, начинался этот список именем погибшего на войне юного комсомольского поэта Фёдора Лыткина). О некоторых из введённых тогда в публичное пространство поэтах начинают создаваться публикации и монографии (например — о Вивиане Итине, Иване Ерошине...). За последние несколько десятилетий к этому изначальному списку постепенно добавляются и новые имена. Так начали возвращаться к читателю разных политических убеждений поэты, представленные в 1917–1919 годах в основном нерегулярными газетными и журнальными публикациями, — например, как мы уже отмечали, довольно часто звучит имя поэта, общественного деятеля, журналиста Фёдора Филимонова.

Но о создании какого-то достаточно полного свода стихов, созданных во времена Гражданской войны на Енисее, речь пока не идёт — вероятно, необходимы ещё годы исследовательской, текстологической работы (отрадно, например, что в последнее время появилось несколько толковых статей о поэзии и прозе на страницах журнала «Сибирские записки» (1916–1919)).

А ещё причина многочисленных лакун и умолчаний кроется в самом историческом периоде. С одной стороны, время Гражданской — катализировало создание стихов (ну, или того, что авторы называли тогда стихами), ведь многое из переживаемого ими можно было на бегу только в стихотворных-то строчках и в ритмах и выразить. Однако было это время и весьма «непечатным» (в буквальном смысле слова): ни тебе бумаги, ни,

зачастую, чернил, ни удобных письменных столов, ни подходящих для «планового» размещения поэзии литературных журналов и альманахов.

А то, что было впопыхах начертано поэтами огрызком карандаша на обрывках черновиков или что успели они «пропечатать» на серо-жёлтых страницах сибирских газет,—то зачастую быстро сгорало (рукописи не горят?), или раскуривалось, или терялось на дорогах Гражданской войны. (В этом, вероятно, причина того, что был, например, полностью забыт действительно яркий минусинский партизанский поэт Тимофей Рагозин.)

Поэтому в основу будущего фильма, помимо достаточно многочисленных, хоть и разбросанных по периодическим изданиям и сборникам, современных публикаций, легли и доступные читателю теперь, разысканные современными исследователями публикации времён Гражданской войны и последующих периодов. Они открывают авторам фильма и его зрителям имена и судьбы поэтов тех непростых, то «ледяных», то «огненных», лет...

...В 1927-м, в год первого юбилея Великого Октября, тогдашний лидер сибирских писателей, знаменитый автор первого советского романа «Два мира» Владимир Зазубрин (Зубцов) будет подводить итоги первого десятилетия развития новой сибирской литературы.

Он писал:

«В революцию некоторые старые писатели были убиты, некоторые умерли, некоторые бежали за границу. Ряды старых сибирских писателей поредели. На смену ушедшим, погибшим пришли новые, молодые...»

И далее Владимир Яковлевич констатирует:

«Период Февральской революции и Октябрьской, первой советской власти, учредилковского переворота, колчаковщины (17–19 гг.) надо считать периодом литературного безвременья. За то время Сибирь не дала новых художников, старые же не создали ничего значительного...»

Наверное, сам Зазубрин был не до конца уверен в полной правоте этих слов. Да, конечно же, литературно-общественная жизнь в городах и весях Сибири того периода была рваной, нерегулярной, смутной—как и сам период. Но какие-то поэтические вешки, какие-то всплески поэтических волн знаменуют это время и для всего региона, и для нашей Енисейской губернии.

Среди существовавших тогда в Сибири «литературно-художественных центров» Зазубрин называет уже знакомый нам красноярский журнал «Сибирские записки». А ещё он отмечает:

«В колчаковщину в Омске появилась группа поэтов с „направлением“. Группа воспевала белое движение... Горе связавшим судьбу свою с судьбой уходящего, отживающего класса!

А завтра тот, кто был так молод,
Так дружно славим и любим,
Штыком отточенным приколот,
Свой мозг оставит мостовым.

Это четверостишие принадлежит Г. Маслову, талантливейшему автору „Авроры“...

...Это, названное в статье 1927 года, имя будут время от времени упоминать, сожалея о его отнесённости к белому движению, и многие современные новой красноярской поэзии начертана была сто лет назад (в ноябре-декабре 1919 года) в литерном поезде, который медленно, с многочисленными остановками, следовал вне всякого расписания из бывшей столицы Белой Сибири, Омска, в предполагавшуюся столицу будущей неведомой державы, в Иркутск. Одной из его остановок, для нас важной, станет Красноярск.

В одном из специальных вагонов этого поезда ехал Верховный правитель России адмирал Александр Колчак. А недавний студент филфака Петроградского университета, однокашник и друг будущего блистательного литературоведа, писателя, сценариста Юрия Тынянова, а ныне—рядовой колчаковской армии Георгий Маслов ехал в теплушке—в тесноте, в папиросном чаду, в темноте и во мраке.

Набросанный в дороге на обрывках бумаги цикл стихов так и был им назван: «Путь во мраке (Дорога Омск—Красноярск)»...

...Это—очень простые (куда уж тут до блеска и утончённости пушкинских ямбов!), очень простые и горькие строчки...

Стоят морозы.
Глубокий снег.
Обозы. Обозы. Обозы.
Впереди—вереница телег.
Побросали вещи.
Тепло пешком.
Ворона кричит зловеще.
Чёрт с ней! Идём.
(23 декабря 1919)

И, днём позже:

В тайге оставлен броневик.
Погибло 25 орудий.
И голос переходит в крик:
«Спасение нам только в чуде!»
Безжалостные небеса
Замкнули круг безлюдной шири.
Нет, если будет чудеса,
То не в Сибири.
(24 декабря 1919)

Это—написанные, судя по датировке, уже в Красноярске пророческие строки-реквием о судьбе замерзающей в морозной тайге армии...

Что оставалось у них, у этих мальчишек из разбитого, обречённого на смерть воинства, за плечами?..

Как пелось в одном из романсов на написанные в 1914 году стихи Веры Инбер: «За кордоном Россия, за кордоном Россия, за кордоном любовь...»

У Георгия Владимировича Маслова в его короткой жизни позади, «за кордоном», навсегда остались державные проспекты Санкт-Петербурга и безудержная влюблённость в пушкинскую эпоху, которую он знал, пожалуй, как мало кто из его современников.

Этот «глубокий, простой и лучистый мальчик» (слова журналиста Льва Арнольдова) «таил в себе зачатки подлинной гениальности» и, как утверждал одноклассник и друг Маслова поэт Всеволод Рождественский, в стихах и «в пушкинской эпохе чувствовал себя как дома»:

О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я хочу укротить твой огонь,—
Я свободным и дерзостным стал!..

Так Маслов писал когда-то, в той, оборвавшейся части своей жизни. (Символично, что строки эти были опубликованы в 1915 году в журнале «Рудин» на одной странице со стихами Ларисы Рейснер, в то время — издателя этого литературного журнала, а в недалёком после того будущем прототипа комиссара в не менее знаменитой «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского.)

...Здесь надо сказать, что и прошедшая, петербургская, часть жизни Георгия Маслова, и само его имя начали возвращаться к советским читателям во многом благодаря вышедшему в 1977 году в издательстве «Наука» сборнику публикаций Юрия Тынянова разных лет; назывался сборник — «Поэтика. История литературы. Кино». (Надо оговориться, что десятью годами ранее иркутский литературовед В. П. Трушкин посвятил Г. Маслову несколько страниц своей монографии «Литературная Сибирь первых лет революции», вышедшей скромным для тех времён тиражом.) Сборник Ю. Тынянова был издан тиражом пятьдесят тысяч экземпляров, то есть теоретически был доступен для массового читателя, а ещё он был прекрасно комментирован. И для пишущего эти строки в его студенческие времена стали открытием не только литературоведческие и киноведческие публикации весьма почитаемого тогдашними студентами-филологами мэтра, но и одна из совсем небольших статей, включённых составителями в ту книгу, — «Георгий Маслов». Оказывается, жил на свете когда-то такой поэт и начинающий пушкинист, а последние месяцы его жизни были связаны с Красноярском (в тогдашней «канонической» истории литературного Красноярья имя это, конечно же, практически отсутствовало).

Публикация эта была перепечаткой вступительной статьи Юрия Николаевича Тынянова к книге, вышедшей (вероятно, при его деятельном участии) в 1922 году в Петрограде, в издательстве «Картонный домик». Называлась книга — «Аврора». Это была обессмертившая имя Георгия Маслова поэма из пушкинской эпохи, названная по имени её героини, красавицы Авроры Демидовой-Шернваль, — память об оборвавшейся части жизни автора...

«Аврора»... Вот ещё один иронический парадокс истории, в пору вспомнить тут слова о том, «как причудливо тасуется колода»...

Статья Ю. Тынянова была краткой, о сибирском периоде жизни Г. Маслова в ней говорилось, по многим причинам, весьма лаконично. Комментарии частично (и тоже, по понятным причинам, достаточно сдержанно) восполняли этот пробел. Не было в книге только главного — самих стихов загадочного Георгия Маслова, а их публикации 1910-х — 1920-х годов, указываемые составителями, конечно же, были в тот временной период для обычных студентов недоступны. Но надежду на встречу со стихами Маслова внушали заключительные строки тыняновской статьи. Завершая размышления о драматической судьбе героев поэмы, Юрий Тынянов писал:

«...Сам же Маслов погиб, тоже „на незнакомой земле“, и жизнь, которую он терял, была точно так же богата... Оживят ли его стихи эту старинную жизнь? Дадут ли они его собственный образ, образ поэта, любящего умершие формы?.. Во всяком случае, у стихов есть то преимущество перед людьми, что они оживают, — и не однажды...»

Строки эти оказались пророческими. И стихи Георгия Маслова стали постепенно возвращаться к читателю. Этапными можно было бы назвать книжечку стихов поэта, вышедшую в 1998 году в красноярской серии «Поэты свинцового века», а также разных лет публикации его стихов в журналах «День и ночь» и «Сибирские огни», в других периодических изданиях, в интернете.

Подлинным же возвращением поэта и к поэту надо назвать труд, вышедший в 2020 году в Омске: «Георгий Маслов. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии». Составители этой книги В. Нехотин и И. Девятьярова сумели собрать, опубликовать и подробнейшим образом прокомментировать практически всё, что было написано когда-то обо всех этапах биографии поэта, включая омский и красноярский периоды его короткой жизни.

И вот на наших глазах вновь происходит встреча погибшего поэта с его любимой героиней.

Над своей поэмой он будет работать и в Омске, и по дороге в Красноярск, и на берегах Енисея, до последней минуты своей жизни (Тынянов писал:

«Умирал он тяжело, сыпным тифом, но перед смертью ещё выправлял свою поэму «Аврора»),—и во вступлении к «Авроре» появятся строчки, в которых соединятся и пушкинский слог, и ледяная Сибирь 1919-го:

Разыщут ли Вас эти строки
В краю изгнания и разлук,
В Чите или Владивостоке,
Мой грустный, мой прекрасный друг?
Пронёсся вихрь, мечтанья руша,
Расстаться было суждено,
И не сольются наши души
В неизъяснимое одно.
Но и вдали Ваш голос слышу
В печальный сумеречный час,
Из кованных четверостиший,
Рождённых блеском Ваших глаз.
Души певучего простора
Храню для Вас полярный лёд.
Не Ваш ли взгляд меня, Аврора,
В беззвездье ледяном ведёт?
(10 сентября 1919)

Собранные теперь воедино воспоминания друзей, недругов и современников позволяют увидеть и представить атмосферу, в которой рождались лучшие и трагичнейшие строчки Георгия Маслова.

«Революция вырвала Г. Маслова из университета и вместе с молодой женой... бросила на родину, в Симбирск, где он деятельно занялся волжским фольклором, пока не пришли чехи и не мобилизовали его в какой-то пехотный полк. Он оказался отрезанным от семьи и от России. Последние его годы для биографа темны. Стихи появлялись в различных сибирских газетах, и местные критики именовали Маслова „лучшим поэтом Сибири“»,—так коротко описал начало омского периода в своём письме 1927–1928 годов Всеволод Рождественский.

В захолустном и державном Омске—ставшем на время столицей Сибири—Маслов проведёт вместе с другими добровольцами и беженцами неполный год, который вместит в себя и «безнадёжное противостояние натиску красной бури, и подготовку (несостоявшегося) похода добровольцев на Москву», и—интенсивную литературную жизнь.

Шла жесточайшая война, а вчерашние столичные жители бурно обсуждали в Омске недавнюю, вызвавшую жёсткие споры читателей из всех лагерей, поэму Блока «Двенадцать», они продолжали свои давние дискуссии о Толстом и Достоевском, размышляли о том, существует ли она, «сибирская литература», и, конечно же, читали свои стихи...

Будущий известный советский поэт, а тогда—гимназист и друг Г. Маслова, Леонид Мартынов вспоминал:

Здесь, в этом городе убогом,
Где море грязи и бугры,
Таилась тёмная «Берлога»
В казённом доме у горы.
Туда входящему навстречу
Эстрада высилась во мгле.
Кривились гаснущие свечи
На белом мертвенном столе.
Не пить и не забавы ради
Иные люди шли туда,
Где проходила по эстраде
Поэтов сонных череда...
Когда перед приходом красных
Стустилась тьма метельных дней,
Туда пришёл Георгий Маслов
Сказать о гибели своей.
Он говорил:—Зараза липнет,
На всём кровавая печать.—
Он говорил:—Культура гибнет,
И надо дальше убегать.
Но это после...

Мы знаем теперь, что Маслова его коллеги единомышленно признавали «лучшим и без сомнения талантливейшим» из всех молодых поэтов, заброшенных ветрами Гражданской войны в Сибирь...

А поэзия, по словам одного из участников тех памятных сборищ на «Омском Парнасе», помогала им найти спасение «от страшного напряжения нервов».

Маслов продолжал писать. Но это были уже другие, по-иному осмысливающие классическое наследие стихи:

...От мира затворясь упрямо,
Как от чудовищной зимы,
Трагичный вызов Вальсингама,
Целуясь, повторяем мы.
А завтра тот, кто был так молод,
Так дружно славим и любим,
Штыком отточённым приколот,
Свой мозг оставит мостовым.
(Омск, ноябрь 1919)

Среди стихов, накиданных карандашом на серой бумаге, печатавшихся на такой же серой бумаге в омских газетах, среди стихов чудом сохранившихся, по памяти потом напечатанных однопольчанами в журналах русского Харбина, русского Шанхая, есть и такие строчки, может быть, и не самые главные у Маслова.

Идёт ещё один «пир во время чумы». Поздний вечер в одном из ресторанов—и внезапный голос скрипки... И, рядом со скрипачом, поэт, пытающийся осмыслить этот странный и страшный мир вокруг него—и рассеять тёмный мрак, поселившийся, кажется, теперь уже навсегда, в его сердце:

Скрипач

Над грохотом ресторана,
Над суетнёю слуг,
Над толпой нарядной и пьяной
Царит твой страшный испуг.

И, кажется, всё—лишь зыбкий
Призрак, на миг один,
Вызванный пеньем скрипки
Из тёмных твоих глубин!

А ты стоишь на эстраде,
Безумец и чародей,
И гневно треплются пряди
Седых, как пена, кудрей.

Быть может, я призрак тоже,
Но дай мне прожить хоть миг,
Чтоб слушать в предметной дрожи
Твой вещий голос, старик.

...Это стихотворение, как и целый ряд других, не войдёт, скорее всего, в наш фильм—но когда-то мы вернёмся к нему, настолько велик круг ассоциаций, вызываемых этими строчками, от воспоминаний современников о концертах А. Вертинского на «добровольческом» юге России—до любимых российских кинематографистами кадров музыкальных и поэтических выступлений беженцев в стихийных ресторанах и недолговечных культурных центрах времён Гражданской войны.

(Книга о Георгии Маслове, вышедшая в Омске, дала бы, как представляется, материалы и для целого художественного сериала о жизни в этом городе Георгия Маслова и его современников... Здесь и противоречивый, но ясный облик самого поэта, и эскизные портреты его сотоварищей по несчастью, и горькие и комические подробности этой омской эпопеи, и сохранившиеся до наших дней отчёты о диспутах 1919 года в основном Масловым литературном кружке...)

...Последний поезд с изгнанниками отошёл от Омска 12 ноября 1919 года.

Известный советский писатель Всеволод Иванов, бывший тогда с колчаковцами, записал воспоминание о том, как случайно встретил Георгия Маслова на каком-то крохотном сибирском полустанке:

«...пришла та всесокрушающая зима 1919 года, которая будет вечно памятна гибелью огромной колчаковской армии... На сотни километров, с промежутком самое большое в пятьсот метров, тащатся вереницы поездов—товарных, пассажирских, санитарных... Дыхание коней и человека сталкивается, оседает инеем, который отливает изумрудом. Воздух прозрачен и неподвижен. Пахнет снегом...»

...На каком-то полустанке, недалеко от станции Ояш, я нёс мешок добытого с трудом угля, чтобы согреть наш вагон. Окликнули из теплушки

беженцев. Перепуганные, впавшие большие глаза глядели на меня неподвижно. Я узнал поэта Георгия Маслова, автора „Авроры“. Без жалоб и уныния, а сказав только, что „кажется, у меня начался тиф“, он пригласил в теплушку и стал читать...»

...И вспоминаются строки, которые Маслов опубликовал накануне отъезда из Омска в местной газете:

Проходит тревога.
Венчает усталость
Мои сумасшедшие дни.
Горевшая много
Душа отпылалась.
Теперь отдохни—

Немного покоя,
Работы немилый
Часы и усталого сна.
Пусть снилось иное,
Когда восходила
Моя золотая весна.

Печаль позабыта.
Мы смотрим, скитальцы,
В просторы ночной синевы.
Касаются чьи-то
Прекрасные пальцы
Бездумной моей головы.

Ты не жил, быть может,
И счастья ты не пил,
И страсти не знал искони.
Ничто не встревожит
Остынувший пепел...
Душа, отдохни.

А 13 декабря 1919-го года поезд адмирала Колчака прибыл в Красноярск...

С поезда были сняты пассажиры, заболевшие тифом. В их числе оказался и рядовой Георгий Маслов. Больных тифом размещали в срочно открываемых по всему Красноярску госпиталях.

В написанных уже в замёрзшем и голодном Красноярске, где кончались пути Георгия Маслова и многих его ровесников, меняется ритм, меняется размер его стиха, будто ветер утраченного Серебряного века снежным серебром очистил и осветлил этот завершавшийся путь...

Тянутся лентой деревья,
Морем уходят снега.
Грустные наши кочевья
Кончат винтовки врага,

Или сыпные бациллы,
Или надтреснутый лёд...
Вьюга зароев могилы
И панихиды споёт.

Будет напев её нежен,
Мягкой—сугробная грудь.

Слишком уж был безнадежен
Тысячвёрстный наш путь.

Где поспокойней и глуше,
Где не услышишь копыт,—
Наши усталые души
Сладостный сон осенит.

Эти строки были написаны в Красноярске в январе 1920 года. К январю же 1920 года относится и ещё несколько стихотворений, одно из них так и названо: «Плен (Красноярское Рождество)»:

...А дальше опять дорога
С дружеским королём,
Несчастий вытерпишь много,
Но ждёт тебя милый дом.

Ах, только бы нам, скитальцам,
Добраться до милых стен,
Худеньким слабым пальцам
В сладкий отдаться плен.

Только б хватило силы
Заново жизнь начать,
А горя так много было,
Нам ли его считать?
(7 января 1920)

Поэт Георгий Маслов умер в Красноярском городском госпитале в ночь на 15 марта 1920 года.

Как свидетельствуют опубликованные теперь воспоминания его современников, рядом с ним в последние его дни были его друзья, закрывшие его глаза: адресат ряда его стихов Вера Кремкова, ставшая последней музой поэта, и однокашник Маслова по гимназии, журналист Евгений Иванов, написавший некролог, размещённый 21 марта 1920 года в газете «Красноярский рабочий».

«В пятницу (19 марта) состоялась скромные похороны скончавшегося от тифа в ночь с 14 на 15 марта Георгия Владимировича Маслова.

Имя покойного хорошо известно молодым литературным кружкам Сибири и Петрограда. Заманчиво много обещал его кованный стих, возможности были бесконечно широки. Трудно указать в надломленной литературе последних десятилетий что-либо равное его поэме „Аврора“. Эта поэма, как и „Дон Жуан“, и роман „Ангел без лица“, не должна и не может пройти бесследно.

Умер большой мастер стиха, чуткий и тонкий пушкинист. Умер до ужаса нелепо... от тифа. Словно ожидая непоправимого, торопясь, почти в бреду, заканчивал Г. В. ещё одну, уже последнюю, свою поэму. А сколько было силы жизни, любви к жизни в заключительных главах! Заболел покойный в начале января. Возвратный тиф переищёл в стынной, затем снова возвратный, и... смерть.

Наше последнее свидание... Г. В. Маслов что-то хочет сказать. Говорил он более трёх часов, ежеминутно теряя сознание, но больше одной фразы

сказать ничего не мог. Я только понял, что это „что-то“ для него бесконечно важно. Но что?... Поэту было только 24 года.

...Последние годы, как и студенческие, почти целиком ушли на изучение Пушкина. Теперь ещё рано говорить о значении умершего. Но недалёкое будущее скажет своё слово и отведёт Георгию Маслову в русской поэзии почётное место, вполне заслуженное, вполне его достойное. Будем ждать! Вечная память тебе, дорогой друг! Вечная память!

От автора: Всех лиц, имеющих на руках какой-либо материал, касающийся жизни и творчества Г. В. Маслова, очень прошу переслать таковой или секретарю газ. „Красноярский рабочий“, или по адресу: Батальонный пер., д. 16, кв. Кантер, Е. Ф. Иванову».

И ещё вспоминаются слова о Маслове—Николая Гумилёва, который ещё не был расстрелян: «... печальный дар (Г. Маслова) оставаться в стороне от того, о чём говорится, заставляет несколько опасаться за будущее поэта».

...В комментариях к статье Ю. Тынянова, опубликованных в 1977 году, говорилось и о судьбе его стихов:

«Впоследствии рукопись, принадлежавшая его вдове, погибла, и стихи были восстановлены ею по памяти—сначала в 1945-м, а затем в 1961-м...»

По памяти—потому что вдове поэта, юной Елене Тагер, предстояло пройти через два с лишним десятилетия лагерей и ссылок... Но об этом комментаторы громко сказать вслух не могли...

В недописанных черновиках поэта нашлись эти горькие строчки:

.. И я покину край Сибири,
Где музы, песни и вино,
И был Георгий Маслов в мире
Иль не был—будет всё равно.

...Но теперь мы знаем, что память о Георгии Маслове и его стихах передавалась из поколения в поколение. В 1953 году родившаяся в 1927 году ленинградский литературовед и прозаик Наталия Александровна Роскина написала такие посвящённые поэту стихи:

Средь тяжких бед и мрачных оргий,
Среди зиявшей пустоты
Ты вдруг явился мне, Георгий,
Поэт Авроры и мечты;

Пленённой рифмами твоими,
Мне сладко повторять в тиши
Слегка заносчивое имя
Поэта, что недавно жил,

Но, верен вдаль ушедшим датам,
Ты отошёл от наших дел
Туда, где те, кого когда-то
Ты слишком сдержанно воспел;

Где ныне та, чей лик—сиянье,
Кому твой гений посвящён...
И смерть твоя—напоминанье,
Что кратковременно страданье
И тот, кто любит,—обречён.

...И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж человек?—За рёвом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?..

А в 1997 году красноярские писатели Андрей Лазарчук и Михаил Успенский в своём романе в жанре альтернативной истории «Посмотри в глаза чудовищ» рассказали читателю о найденной героини этого их романа мифической библиотеке, сохранившей все утраченные для человечества навсегда великие литературные сокровища. Авторы, перечисляя всё найденное их героями—и Галичскую летопись, и полного Плутарха, и четвёртый том «Опытов» Монтеня, и полный список «Слова о полку Игореве»,—завершают этот фантастический и немислимо желанный для книголюбов всего мира перечень вот такими словами: «...И, наконец, были там... чёрные тетради: кожаные, прошнурованные и снабжённые печатями: Георгия Маслова... и самого Николая Степановича Гумилёва...»

...Символично, что составители омской книги о Георгии Владимировиче Маслове завершают именно этой цитатой из романа А. Лазарчука и М. Успенского раздел «Современники о Георгии Маслове: воспоминания, дневники, письма»...

ЭССЕ ЧЕТВЁРТОЕ

«Меж двух миров»

(Поэты революции и Гражданской войны: Тимофей Рагозин и другие)

«...нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и—увь!—забыть их нельзя,—они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах».

Эти горькие и пророческие строки о несмываемой «окрашенности» каждого из предшествующих событиям революции и Гражданской войны годов (а лет последующих—и тем паче!) были написаны Александром Блоком в июле 1919 года в Петрограде, для выступления, предваряющего публичное чтение его незавершённой поэмы «Возмездие». А за три года до этого, в мае-июне 1916 года, им была «отделана и завершена» знаменитая первая глава этой поэмы, в которой поэт размышлял о веке минувшем и о том, что ждать человеку от событий начинающегося «настоящего, не календарного XX века» (выражение А. Ахматовой):

Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)...

О возможности привнесения наступающими годами в жизнь страны «неслыханных перемен и невиданных мятежей» размышляли накануне событий 1917 года с тревогой (а кто и—с надеждой) также и на берегах Енисея коллеги А. Блока по поэтическому цеху. И наш второй фильм о сибирской поэзии времён Гражданской войны мы решили начать строками, опубликованными в первом по счёту и последнем из дореволюционных месяце 1917 года. В январе того далёкого года будущий скромный сотрудник Красноярского земельного управления, известный красноярский столбист и забытый вскоре на долгие годы поэт Виталий Семёнович Калашников (псевдоним—Виталий Кручинин) на страницах журнала «Сибирская школа» делился с читателем мыслями о том, что же принесёт России этот наступающий год:

...В мороз упорный, в мороз трескучий
Рождённый в жуткой кошмарной мгле,
Под хор надземных ночных созвучий
Год этот новый сошёл к земле.

Пришёл так странно, безвестный, скрытый,
Окуган плотно в глубокий мрак,
Пришёл и скрылся, как миг изжитый.
Кто он? Откуда? Наш друг иль враг?

Его встречая, вино мы пили,
Друг другу счастья желали мы;
Венки желаний мы дружно вили
Под кровом ночи, под кровом тьмы.

И долго-долго в лучах надежды
Желаний наших цвели цветы,
С вина так сладко слипались вежды:
Мы все витали в чаду мечты...

Ушедшая вскоре из русской поэзии декадентская стилистика ещё больше подчёркивает тревожность предчувствий автора. Заметим здесь, что неотвратимость перемен, которые несли наступающие годы, В. Калашников-Кручинин запечатлел даже и в не связанных, казалось бы, с социальными явлениями пейзажных зарисовках. Как пример этого часто приводится его стихотворение 1916 года «Токмак». А вот—богатые на социально-политические ассоциации строки написанного в том же году стихотворения «Ледоход»:

Не с грохотом грозным ломается лёд,
Как было то в прежние годы,
А с шумом, чуть слышным, покорно плывёт
Туда, куда мчат его воды.

Беспомощно дряхлый и снежно-седой,
Плывёт он, качаясь и таёя,
Гонимый мятежной весенней водой,
Противиться ей не мечтая.

Давно ли он эти же воды держал
Суровой и властной рукою?
Теперь же бессильно вздохнул, задрожал
И сдался почти что без бою...

«Беспомощно дряхлый лёд», о котором писал поэт, был сломан, наступил неизбежный социально-политический «ледоход», уносящий с собой столько льдины, сколько судьбы целых семей и целых поколений и классов... И «чад мечты», от которого в январе 1917-го так «сладко спипались вежды», будет совсем недолог...

Неутешительный ответ на свой тревожный вопрос, что ждать от наступающей новой эпохи, автор тех давних стихов и все его современники получили достаточно скоро. Хроникальные кинокадры (в 1917-м «важнейшее из искусств» уже прочно входило в жизнь и россиян, и жителей Приенисейской Сибири) запечатлели необратимые исторические повороты, свершавшиеся в центральной части страны и в Сибири в 1917 году...

Но перенесёмся сначала вновь на десятилетие вперёд, в юбилейный 1927 год, когда в тогдашнем центре литературной жизни Сибири Новосибирске (бывшем Ново-Николаевске) признанные писательские лидеры подводили итоги литературной жизни за десять лет. В предыдущем фильме мы уже цитировали строки из доклада-статьи Владимира Зазубрина, назвавшего период 1917–1920 годов периодом «литературного безвременья» и доказывавшего это на примере поэзии представителя «белого Омска» Георгия Маслова. О «блестящем молодом сибирском поэте Георгии Маслове» вспоминает в своём докладе на вечере сибирской поэзии, сделанном 20 апреля 1927 года, соратник и друг Зазубрина—Вивиан Азарьевич Итин, ещё один бывший петербургский поэт, ставший настоящим сибиряком в годы Гражданской войны. Вивиан Итин, о котором мы ещё не раз будем вспоминать, был лично знаком с Георгием Масловым, как считают современные исследователи — через Ларису Рейснер, дружившую когда-то с Масловым.

Но в 1927 году вспоминает Вивиан Итин творчество Маслова, конечно же, весьма критично. (Добавим, что образ поэта Георгия Маслова появляется и в опубликованной позднее в Новосибирске прозе В. Итина «Ананасы под берёзой».)

Прочитовав (вслед за Зазубриным) масловские строчки о «трагичном вызове Вальсингама»,

которые, по словам Итина, Маслов «декламировал в омских поэтических кабачках», Вивиан Азарьевич констатирует:

«Это раздваивающееся стихотворение прекрасно отражает... предчувствие неизбежного конца.»

*Силы в бурях мы растратили,
Но настала тишина,
И теперь мы лишь мечтатели
За бокалами вина.*

В этом всё, в сущности, содержание поэзии периода колчаковщины».

И—Итин противопоставляет Маслову другого поэта:

«Но даже в то время по вольным тайгам Сибири пелись совсем другие песни. Поэт минусинских партизан, Рогозин, где-то неведомо противопоставлял изящным масловским виршиам, ощущению своей гибели, — счастье борющегося, бессмертного коллектива».

И далее Итин приводит стихи «поэта минусинских партизан»:

Услыша вольный голос рога,
Мужик тотчас бросает плуг
И собирается в дорогу:
— В тайгу! бить трона верных слуг!
Мать починает однорядку,
Жена тащит пятизарядку,
Сын — кабаргиную доху,
А сам наспех седло лает,
На ноги бродни обувает...
Часы невидимо бегут.
Мятежник, наскоро прощаясь
Со всеми, высказал жене:
— Не плачь, Федора, обо мне!
Коль не убьют, так жив останусь,
Убьют — вон Тишка подрастёт. —
И в горы конь его несёт.

(Именно на этой публикации В. Итина основывался в лаконичном сообщении о рагозинских стихах иркутский исследователь В. П. Трушкин в своей монографии «Литературная Сибирь первых лет революции».)

Сам же автор этих стихов (а также и вышедшей в 1926 году в издательстве «Новая Москва» записной книги «Партизаны Степного Баджея. Мемуары участника») Тимофей Рагозин (Рогозин) — это интереснейшее и, к сожалению, по-настоящему забытое сейчас, хотя и очень яркое когда-то, имя. Неясно точное написание его фамилии, и отчество его в нескольких о нём кратких упоминаниях в публикациях о Гражданской войне на Енисее указывается по-разному — то Ипполитович, то Григорьевич...

Пожалуй, некоторые подробные персональные сведения о нём были опубликованы лишь однажды, в 1925 году, всё в тех же «Сибирских огнях»,

в статье, подписанной псевдонимом А. Саянский. Называлась публикация «Партизанские поэты Минусинского фронта (Очерк поэзии газеты «Соха и Молот»)». Автор статьи — знаменитый в Енисейской губернии партизанский командир, писатель Пётр Поликарпович Петров, «за самоотверженное участие в партизанском движении» награждённый почётной грамотой Реввоенсовета. Когда в сентябре 1919 года партизаны заняли Минусинск, здесь восстановлена была Минусинская республика. Стала издаваться газета «Соха и Молот». Петров, бывший главным редактором этой газеты, рассказывая о Рагозине, отмечает типичные подробности этой «обыкновенной биографии в необыкновенное время».

По словам П. П. Петрова, Рагозин происходил из крестьян Владимирской губернии, родился в конце девятнадцатого века, сначала рос в семье отца в деревне, а затем вместе с семьёй переселился в Самару.

«Образования Рагозин не получил никакого; его университетом была каторга, в которой он провёл около 4-х лет. Там он основательно изучил русскую литературу, развивался и политически. По выходе из каторги он служил на железной дороге в качестве маляра. Человек большой начитанности, недюжинного остроумия, любящий природу и жизнь вообще, он, однако, относится к этой жизни как-то спустя рукава. В нём заметна большая склонность к скитаниям. Стихи писал как блины пёк — во всяком положении и при всяких обстоятельствах: сидя на заседаниях, в тайге под деревом, в песчаной степи Урянхая, на чердаке штаба в Белоцарске, где он одно время помещался, и в роскошных комнатах воинского начальника, в которых он жил по занятии Минусинска. Он был словно начинён рифмами».

В качестве примера эспромтов Рагозина в статье приводится сочинённое им верхом на лошади на берегу Енисея стихотворение, начинавшееся строчками, которые запомнились Петрову:

Здорово, старец Енисей!
Ты вольно катишь свои воды,
И мы, носители свободы,
Пришли к тебе с толпой идей...

Редкий номер уникальной, едва ли не единственной в своём роде партизанской газеты «Соха и Молот», выпускавшейся соратниками красных командармов Кравченко и Щегинкина, обходился без стихов Тимофея Рагозина. О содержании и направлении этих пропагандистских стихотворных публикаций хорошо говорят уже их названия: «Пир на закате рабства», «Голод», «Три кургана», «Утро нового мира», «Осколок пулемёта», «Советское турне»...

А. Саянский пишет, что «основные темы этих произведений — борьба угнетённых с угнетателями, выражение чувств и переживаний угнетённых,

воспевание революции и проникновение в светлое будущее». Сам же Рагозин так определял своё поэтическое кредо в поэме «Советское турне»:

Я не из сильных сего мира,
Но бедный знанием плебей,
И не для света моя лира,
А лишь для братии моей,
Несущей красные знамёна
Коммунистических свобод...

Образная система партизанской поэзии Т. Рагозина, как подмечает его бывший главный редактор, далека от оригинальности. В стихах Рагозина встречается переключки и с народной поэзией, и с античной мифологией, и со стихами русских классиков, как, к примеру, в стихотворении «Утро нового мира»:

Средь манских ущелий в таёжном бору,
Где рыскают звери в ночную пору,
Где горы-колоссы, как тени, стоят
И хмуро-сердито на землю глядят, —
Там к скалам позорно мужик-Прометей
Прикован был гордой рукой палачей.

...Резвились птицы в полдневных лучах,
И Мана-голубка катилась в горах.
И дочери воды старик Енисей
Объемят любовно и катится с ней.

И ещё пример строчек, переключившихся, как отмечает автор статьи, со стихотворением «Кавказ» Пушкина:

...Прощай, вечно хмурый, но вольный Баджей!
Прощайте, высокие горы!

Я знаю, в груди вашей лава кипит,
Тот огненный фактор творенья,
Во времени что превратился в гранит
В атомном железном сцепленьи.

Ты бурные силы в груди затаил.
Но рвутся они и клокочут,
И, чуждые смерти, из тёмных могил
Над миром блеснуть ещё хочут...

Пётр Петров оставил нам и своё воспоминание-размышление о том, в каких условиях создавалась в Сибири партизанская поэзия:

«...на (поэтический.— Г. М.) отдел „Сохи и Молота“ было обращено слишком незначительное внимание — газета выполняла роль помощника в организации вооружённых сил крестьянства. К тому же нужно принять во внимание, что время было самое бешеное: в течение полутора месяцев со дня занятия Минусинска фронт от этого города находился всего в каких-нибудь 8–10 верстах, и противник часто подвергал орудиному обстрелу самый город. Тут было, как говорится, не до поэзии».

Размышляя о стихотворных опытах и о дальнейших судьбах партизанских поэтов Гражданской

войны в Сибири, можно согласиться ещё с одним наблюдением участника тех давних событий:

«...одно можно сказать про партизанских поэтов: они были плоть от плоти детьми той среды, в которой они находились, и они отразили в своих стихотворениях (как отразили—это вопрос другой) мироощущение, чаяния и надежды этой среды. И про них вполне можно сказать словами главного из них (то есть Тимофея Рагозина.—Г. М.):

*Не громок вольными певцами
Коммунистический Парнас,
Зато обилён он борцами,
Борцами—сыновьями масс».*

В единственной (если не считать сохранившиеся до наших дней в Минусинском краеведческом музее и в некоторых других фондах выпуски газеты «Соха и Молот»), печатной публикации Тимофея Рагозина, наряду с прозаическим рассказом мемуариста о подвигах партизан Степного Баджея, встречаются и стихотворные строфы. Напечатанные уже после окончания Гражданской войны, в самый разгар охватившего страну строительства «нового мира», они показывают нам эволюцию идеологических постулатов, владевших сердцами вчерашних партизан.

Вот проходят торжественные похороны героев, погибших в Урянхайском краю, на земле нынешней Республики Тыва. Звучат «короткие, но памятные речи» вожаков—Щетинкина, Кравченко, Сургуладзе, других командиров и самого Тимофея Рагозина. «Из тысячи винтовок и двух пулемётов был дан троекратный прощальный салют». И рядом с братской могилой вывесили стихотворение партизанского поэта. В этих стихах—отказ уже не только от таких внешних примет «старого мира», как «свечи восковые, парча и попы», но и от гуманитарных ценностей, на которых в дореволюционную эпоху зиждились основы нравственности:

За Саянским хребтом, в Урянхайском краю,
За Советскую власть пали братья в бою.
Ни свечей восковых, ни парчи, ни попов,
Ни рыданий, ни слёз не видать у гробов.

Не видать и ни жён, ни сестёр, ни детей,
Ни отцов-стариков, ни старух-матерей.
Все тут братья и дети семьи трудовой,
И все спаяны волей борьбы лишь одной.

Но печали печать на всех лицах лежит
И о чём-то тяжёлом для всех говорит.
Но порой та печаль превращается в месть
И готова весь мир буржуазный разнести.

Речь борьбы, как огонь, с тех курганов лилась,
Да знамёна над прахом висели, склоняясь,
Да лишь эхом прошёл троекратный салют:
Спите, павшие с честью за Волю и Труд.

Сто лет спустя после тех забытых стихов и тех полузабытых событий можно сказать о том, что судьбы этих людей были порой значительнее и убедительнее, чем их стихи. Да и не всегда успевали они стихи писать, и юный возраст, в котором они часто погибали, обрывал их путь в поэзию.

Вот, например, судьба традиционно включаемого с послесталинских времён во все сибирские поэтические антологии уроженца Иркутской губернии (родился в семье ссыльного езида /курда/). Фёдор Матвеевич Лыткин (1897–1918; подлинное имя—Полот-бек, Фери́к Фетько). Он сразу стал вожаком сибирского молодёжи в городах, где он жил,—Иркутске, Енисейске, Томске (в этих городах есть улицы его имени). С 1917 года—член РСДРП(б), известный, несмотря на юный возраст, деятель Гражданской войны в Сибири.

Первые стихи Фёдор Лыткин опубликовал в возрасте шестнадцати лет в сборнике «Литературные опыты учащихся Иркутской гимназии», затем печатался в газетах «Знамя революции», «Сибирский рабочий», «Красноармеец» (Лыткин был и редактором этой «походной газеты», выходившей в Иркутской губернии), в других периодических изданиях разных направлений. В 1915 году вышел прижизненный поэтический сборник «Песни юности». Расстрелян в якутской тайге в ноябре 1918 года при столкновении партизанского отряда с белогвардейцами.

Содержание и направленность поэзии Ф. Лыткина хорошо передаётся заголовком одного из посвящённых ему очерков: «Революция жила в его сердце».

А в подготовленной новосибирским литературоведом Н. Н. Яновским статье о Лыткине в «Краткой литературной энциклопедии» это сформулировано так: «В стихах Лыткина—гневный протест против царизма, призыв к революционной борьбе, вера в победу революции».

Вот фрагменты стихотворений 1917 года, отражающие лозунговые стилистику и содержание поздних стихов Ф. Лыткина. У этих стихотворений также «говорящие» названия. Первое из них—«Манифест 14 марта 1917 года»:

Под вольным небом страны родной,
Среди долин и гор, у берегов морей
Кипит, бурлит и бьётся, как прибой,
Родимый мой народ—волшебный чародей.

Недавний плен тайги, неволю душных тюрем,
Позорное ярмо забитого раба
Он потопил в волнах мятежной, буйной бури
И встал над всей землёй, как вещая судьба!

На тёмных небесах измученной Европы
Зарю восстания он пламенно зажжёт!
От зарева её попрытались холопы.
И миру засиял пылающий Восток!..

Второе стихотворение называется «Гимн революции»:

Вперёд, разгневанный народ!
Бушуй, вспенённая стихия!
Вперёд! На звенья цепи рвёт
Освобождённая Россия!
Вперёд, о родина! Вперёд!

Поля могилами полны,
Долины — чёрными крестами,
И голод впальными очами
Глядит на Русь в огне войны.
Восстаньте ж смелыми бойцами,
Великой родины сыны!

Чудесной радостью сияя,
Взошла свободная заря!
Народ от края и до края
Воспрянул вмиг — и нет царя!
И трон растоптан Николая!..

«О чём бы ни писал он, его мысль всегда возвращалась к революции, к борьбе угнетённых за своё освобождение», — отмечал В. П. Трушкин, одним из первых обозначивший имя Ф. Лыткина в истории сибирской литературы времён Гражданской войны. Он же очень точно сформулировал, в чём состоял феномен его поэзии: «Лозунговость многих стихов не переходит в риторику, от неё спасает их темперамент поэта... Гроза, гром и буря, бой, игра разбушевавшихся стихий, восклицательные, митинговые интонации — излюбленные поэтические приёмы Лыткина».

В царстве Вселенной мы — угли, горящие
Пламенно, красно, пурпурно.
Брошены кем-то мы в море лазурное,
В море житейское, море шумящее.

Многие в нём, прошипев, догорели,
Многие слабо мелькали.
Многие песни бессмертные спели
И, как костры, потухали...

В дыме удушливом, дыме едучем
Многие жалко истлели.
Волны же вечные, волны могучие.
Волны шумят, как шумели...

Тухнут ничтожные, тихо дымящие —
Мрак всё теснее, всё гуще.
Слава вам, яркие! Слава, поющие!
Слава вам, гордо горящие!

В двадцатых-сороковых годах двадцатого века комсомольские пропагандисты периодически возвращались к судьбе Ф. Лыткина, материалы о нём размещались в некоторых справочных изданиях, стихи же его стали возвращаться к советскому читателю только в пятидесятых-шестидесятых годах двадцатого столетия. В серии «Замечательные

сибиряки» в 1950 году вышла документальная книга о нём (с подборкой его стихов) в Новосибирске, стихи стали появляться в периодических изданиях, в марте 1962 года его стихи были напечатаны в газете «Красноярский рабочий», а в 1969 году была подготовлена небольшая книга его стихов в Иркутске.

Исследователь и поэт Марк Сергеев написал в предисловии к этому тоненькому красному сборничку Фёдора Лыткина: «Эта маленькая книга познакомит вас с поэтом несомненного таланта и большой революционной страсти. Прочтите его стихи, и вам захочется познакомиться с судьбой человека, который в тринадцать лет был революционером, в девятнадцать — народным комиссаром, но всю жизнь оставался поэтом».

Остались строчки:

Юность — звенящая песня
Первой весны бытия!
Юность — в далёкой лазури
Знойная солнца струя!
Нега, и радость, и буря —
Юность, о юность моя!

Влажное в тучах дыханье
Жутких волнующих гроз!
Свежесть душистая роз,
Тёмной листвы трепетанье —
Юность — бездонность страданья,
Искренность утренних слёз!..

...Иной взгляд на судьбу и на стихи Фёдора Лыткина был представлен в очерковой заметке В. М. Крутовского в четвёртом номере «Сибирских записок» за 1918 год. Редактор рассказывает о первом знакомстве с талантливым гимназистом, приславшим в журнал свои стихи, о последующих встречах с ним и беседах о его будущем. Оказывается, Фёдор мечтал в разговорах с Крутовским о поступлении на историко-филологический факультет Московского университета, но революционные события помешали этой мечте осуществиться, а случайное (по мнению В. М. Крутовского) увлечение большевистскими идеями трагически изменило его жизнь и судьбу.

В. Крутовский цитирует слова свидетеля расстрела юного поэта: «На лице его застыло какое-то ироническое выражение». И добавляет с горечью: «...несомненно, жизнь Лыткина — одна ирония».

Некролог завершается таким размышлением о талантливых молодых идеалистах, погибающих в пламени Гражданской войны: «Наивный юноша! Он и среди этой ужасной обстановки и среды оставался идеалистом и воображал, что его бичующее слово и моральные убеждения могут что-либо сделать, могут оздоровить эту ужасную атмосферу. Он погиб преждевременно,

ужасно—и понятна эта застывшая ирония на его лице. Мир праху твоему, преждевременно погибший талантливый юноша».

Жёсткие, но искренние и в этой искренности—справедливые, возможно, слова...

...Достаточно много разных имён, связанных с Гражданской войной на Енисее, можно было бы назвать в нашем фильме, начиная с поэтов, строфы которых дошли до нас благодаря подшивкам сибирских газет и журналов...

Двадцать номеров журнала «Сибирские записки» доносят до нашего времени забытые стихи и забытые имена разных по политическим взглядам, схожих по обстоятельству их судеб поэтов. Это большевик Фёдор Лыткин, упоминавшийся уже нами оппозиционный журналист Фёдор Филимонов, социалист-революционер из Кургана Кондратий Худяков, активный участник колчаковского движения, областник, друг Блока и Бунина Георгий Вяткин, будущий сотрудник газеты «Красноярский рабочий», фольклорист Михаил Плотноков, правый эсер и красноярский политический деятель Пётр Озерных (писавший под псевдонимом Степан Байкалов), будущий переводчик «Алисы в Стране чудес» Александр Оленич-Гнененко...

Разве могло не тронуть читателя, к примеру, написанное на языке Некрасова и Кольцова, Есенина и Клюева стихотворение, названное «Микола» (Микола, Никола—так любовно именовал простой русский народ любимого на Руси Николая Чудотворца)?..

По нагорьям разбросаны сёла,
Деревеньки... Бугры да пески...
По подоконью ходит Микола,
Собирает в котомку куски...

Наделяют убогого бабы—
Кто ковригой, кто белым холстом:
— Ты за нас, беззащитных и слабых,
Заступись перед кротким Христом!..

Чтобы Он, наши сёла спасая,—
Сохранил от неверной орды...
И послал бы нам вновь урожая
За великие наши труды...

...Спят под снегом мужицкия сёла...
На околицах волчьи следы...
По загуменьям ходит Микола—
Стережёт золотые скирды...

Это строчки Кондратия Худякова из третьего номера «Сибирских записок» за 1919 год. Ужасы Гражданской войны, последовавшей сразу за Первой мировой, потеря кормильцев, страдания—и при этом извечная готовность сибирского крестьянина к пламенной молитве и к страдным «великим трудам», вера в то, что великий святой сохранит их жизни и их «золотые скирды»...

...И в стане побеждённых, и в стане будущих победителей оказалось в те несколько лет немало даровитых на литературные труды людей. Размышляя об их судьбах и об их стихах сейчас, спустя столетие, невольно вспоминаешь строки Виктора Астафьева: «Никто не бывает так наивен и доверчив, как поэт. За сотни лет до нынешнего просвещённого и жестокого времени стихосочинителя карали, жгли, забивали плетьюми, отсекали головы, убивали из пистолетов на дуэли, а он всё прёт и прёт навстречу ветрам, певец и мученик, надеясь, что ветры пролетят над ним, беды минуют его».

Поэтому, наверное, надежда и вера не иссякала всё же до конца и в стихах белых, и в стихах красных поэтов Сибири.

В феврале 1917 года, когда уже стало ясно, каким придёт к России этот во всех отношениях новый год, бывший участник революционных кружков и будущий красноармеец, будущий соратник Владимира Зазубрина по трудам в политотделе Пятой Красной армии и просто талантливый поэт Иван Ерошин мечтает о скором и прекрасном будущем:

О революция! Мой мрамор и гранит.
Резцом владею я. Резец мой верный—слово.
Когда рабы труда рвут яростно оковы,
Громят врагов своих,—я с бурей сердцем слит.

Жить! Жадно жить хочу!—мне юность говорит.
Двадцатый грозный век, век битвы, век суровый,
Свет человечества,—в его величье новом,
Как факел средь ночи, душа моя горит.

И поэт Иван Ерошин не оставляет своих мечтаний о свете, который преобразит этот жестокий мир после окончания смутного времени. Этот удивительный «художник, понимавший голос ветра и птиц, говоривший на общем языке с рекой, деревом, горной тропой» (выражение профессора Г. М. Шлёнской), твёрдо уверен:

Проснётся человек, душой преображённый,
Вселенной бросит клич из тлеющих вершин...
Да будут все равны! Не будет побеждённых!
Исчезни, ночи мрак! Исчезни, зло годин!

И один из его политических оппонентов, «дедушка Фаддей», редактор «Свободной Сибири» Фёдор Филимонов, тоже верит в будущее и печатает сначала ожидания иронические:

Не в Париже и не в Лондоне, не в Праге,
Слух такой прошёл по Камарчаге,
Что пока не нужно больше драться,
А пора в дорогу собираться...

Чтоб успеть и не терпеть бы сраму,
Тут товарищи отбили телеграмму:
«Так и так, мол, едем, ожидайте.
И корабль пока не отправляйте».

Под какую власть мы попадём, бедняги?
То ль Парижа, то ли Лондона, то ль Праги,
То ли славного селенья Камарчаги?
А последнее весьма бы было лестно!
Но сие пока нам неизвестно.

(это всё тот же юбилейный 1927 год) свою и соратников молодость:

Вьются сизые туманы,
Горный ветер хлещет.
Позади в утёсах Мана
Белой лентой блещет.
Позади Баджей плывёт
В розовом тумане.
Впереди блестят снегами
Дикие Саяны...

А потом публикует в главном сибирском журнале этого периода, в «Сибирских записках», и эти, вполне серьёзные строки о предполагаемом, совсем близком будущем.

...Тогда России крепкой, величавой
Вновь будут силы мощные даны.
Мы вновь тогда над Волгой и над Камой
Услышим песни старины.

Нельзя их забывать. И в горе, и в веселье
Они служили нам в дни осени глухой;
Их пела мать над нашей колыбелью;
Их наши дети пели за сохой.

Мы с ними в битву шли, с врагом боролись смело,
И смолкли вдруг они во дни години злой.
...Кто песню позабыл— в том сердце очерствело.
Проснись, народ! И песню вновь запой!..

Но будет идти время. Когда эти «партизанские» строчки писались Петровым, его товарищи по партии уже готовились начинать создавать колхозы, придёт вскоре и «время великих строек». Конец двадцатых, начало тридцатых, преддверье сороковых. И однажды, уже перед смертью, торжественный пафосный ритм в стихах Петрова вдруг уступит место человеческой, трезвой оценке того, какой была для Сибири та недавняя вроде бы война...

И я унёс печаль и сожаленье
Туда, где зрела новая война,
Где, как в набат, гудело слово «Ленин»
И грозно ширилась Октябрьская волна...

Но всё, всё сложится иначе. И оставшиеся в живых поэты начнут однажды переосмысливать всё то, что было с ними и со страной в 1917-м, 1918-м, 1919-м...

Противопоставлявший крестьянского поэта Рагозина талантливому, но белогвардейцу Маслову Вивиан Азаревич Итин с горечью скажет:

Всё, что вспомнишь,—невероятно,
Сердце, солнечный наш цветок,
Леденело в кровавых пятнах
По назёмам скифских дорог...

И ещё:

И не понять не знавшим нашей боли,
Что значит мысль, возникшая на миг:
Ведь это я стою с винтовкой в поле,
Ведь это мой средь вьюги бьётся крик!

О, если бы не ряд потерянных
Друзей, встающий предо мной,
И длинный перечень расстрелянных,
Я б мог поверить в мир иной!

Об Итине и о его прозрениях, мечтах и пророчествах речь у нас впереди. Как и о другом его коллеге по поэтическому цеху времён Гражданской войны.

Автор статьи о партизанских поэтах газеты «Соха и Молот» Пётр Поликарпович Петров больше известен нам как прозаик.

Но ещё он писал стихи. Среди не погибшего его литературного наследия есть и строчки, где бывший партизанский вожак с упоением вспоминал

...Но в нашей памяти лишь близкое хранится
И меньше радости, чем скорби и невзгоды.
Так я сберёг суровые страницы
Иркутских битв семнадцатого года.

Трещал декабрь... Вставала Ангара...
И— вот в тумане непроглядно-сером
Нам первый залп послали юнкера,
А повторили штурмом офицеры.

И девять суток город был в огне,
А вьюги злобно заметали трупы.
...Здесь было всё как на любой войне:
Жестоко, безрассудно, глупо.

Там было «всё как на любой войне: жестоко, безрассудно, глупо...»

...Они хотели верить в будущее России и в будущее сибирской поэзии. В одном из последних номеров «Сибирских записок» за 1919 год были напечатаны за подписью Ник. Щеглова стихи, которые так и назывались— «Сибирская поэзия»:

Она ещё робка, она ещё бедна,
Она ещё бредёт избитыми тропами,
Но— как в сырой земле тучнеют семена
И всходят по весне прекрасными цветами,—

Так и она в свой час,— когда придёт весна,—
Мятежно расцветёт пылающим жар цветом...
Пусть мрак ещё глубок, пусть ночь ещё темна,
Но уж близка зarya и мрак— перед рассветом!